

Э. В. ДАНИЛОВА

К ПРОБЛЕМЕ ПРОСВЕЩЕННОГО ПЛЮРАЛИЗМА В РОССИЙСКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

TO THE PROBLEM OF ENLIGHTENED PLURALISM
IN RUSSIAN TOWN PLANNING

Статья посвящена исследованию процессов в российском градостроительстве за последние три десятилетия. Этот период отмечен рождением и становлением нового города, произрастающего из советской урбанистической среды. Рассматриваются три условных этапа развития города после перестройки, исследуется их специфика. Описываются контекст и особенности каждого из рассмотренных этапов: 1990-е гг., 2000-е гг., 2010-е гг. Анализируется состояние архитектурно-градостроительной профессии, цели и задачи которой менялись в соответствии с социальными трансформациями. Особое внимание уделяется типологии построенных объектов, развитию архитектурного заказа в контексте рыночной экономики. Отмечаются новации каждого этапа, акцентируются особые события, повлиявшие на профессиональное мышление и проектную методологию. Автор исследует, как две признанные теоретические модели города – город-коллаж и город-генерик – были адаптированы к постсоветской реальности.

Ключевые слова: город-коллаж, город-генерик, типология, новые территории, урбанистический контраст, профессия

Просвещенный плюрализм – такой выход из тупика, вызванного конфронтацией историзма и модернизма, видели авторы архитектурного блокбастера «Коллажный город» Колин Роу и Фред Кеттер [1]. Прошло ровно сорок лет с момента первой публикации книги. За это время были развиты стратегии и тактики, цель которых заключалась в том, чтобы превратить урбанистический хаос в сложноорганизованную систему, избегая при этом как буквального следования исторической традиции, к которой призывали консерваторы, так и утопии как инструмента градостроительного проектирования, к которому так часто и неудачно обращались в XX столетии. За это время стало ясно, что не существует идеальных моделей, но могут быть изобретены работающие подходы. Парадигмы, которые строятся на идеализации прошлого или будущего, всегда склоняются к идеализации и упрощению, за которыми ускользает настоящее, а значит живое. Слож-

The article is devoted to the study of processes in Russian urban planning over the past three decades. This period is marked by the birth and formation of a new city growing out of the Soviet urban environment. The article discusses the three conditional stages of the city after restructuring, exploring their specificity. The context and features of each of the considered stages are described: 1990s, 2000s, 2010s. The state of the architectural and town-planning profession is analyzed, the goals and tasks of which changed in accordance with social transformations. Particular attention is paid to the typology of constructed objects, the development of the architectural order in the context of a market economy. The innovations at each stage are matched, special events that affect professional thinking and design methodology are emphasized. The author explores how the two recognized theoretical models of the city – the collage city and the generic city – were adapted to the post-Soviet reality.

Keywords: collage city, generic city, typology, new territories, urban contrast, profession

ность есть суть жизни, в которой здесь и сейчас происходят одновременно разного рода события, производятся разнонаправленные действия, осуществляются взаимоисключающие концепции. Отличие современного мышления в современном градостроительстве заключается в стремлении принять сложность как изначальное условие. Плюрализм направлен на то, чтобы ни одно проектное, пусть даже и уникальное решение, не было растрепано. Просвещенность проектировщиков и заказчиков обеспечивает знание исторических прецедентов, которые могут быть взяты как точка отсчета, как исходная модель, которую можно опровергать, интерпретировать или развивать. Оба слова являются важными в концепции коллажного города, которую не следует понимать как идею лоскутного одеяла, но скорее нужно рассматривать как концепцию урбанистического артефакта, результат осознанного творческого и интеллектуального процесса.

Таким образом, город-коллаж представляет собой композицию уникальных урбанистических композиций, объединенных развитой инфраструктурой и отражающих сегодня содержание постиндустриальной эпохи. Город-коллаж стал возможен благодаря развитию среднего класса, разнообразию которого и продиктовало требования к комфорту городской среды, определило вариации предложений на рынке недвижимости, запрос на общественные пространства и новые типы жилища, экологию, компактность и функциональную насыщенность каждого отдельного района. Город-коллаж создал привлекательную урбанистическую альтернативу мечте 1970-х – загородному жилищу – и стал решением проблемы массовой дезурбанизации – следствия модернистского планирования в XX в.

Казалось бы, город-коллаж благодаря своей структуре, способной объединять историю, традицию и новые требования к городскому образу жизни, должен был повсеместно завоевать признание урбанистов, архитекторов и жителей. Все они получали новое обоснование для создания композиционного единства разнородной и фрагментированной городской среды, ее реабилитации и нового дыхания. Гибкий подход обеспечивал возможность консенсуса, который должен был примирить все оппозиции. Культ общественного пространства, манифестируемый авторами концепции города-коллажа, должен был быть реализован повсеместно, празднуя новое единение горожан. Но пока шла реализация города-коллажа, выражавшаяся в конверсии промышленных зон, лечении деградированных территорий, возвращении историческим центрам современной жизни, развитии новой типологии и строительстве общественных и культурных центров, возникла и другая модель города, которая стала намного более массовой и общепринятой.

Эта модель, появившаяся в последние десятилетия, была описана Ремом Колхасом в эссе «Город-генерик» [2]. Генерик – это непатентованная копия оригинального препарата. Чтобы создать генерик, не нужно тратить время на исследования и разработки. Достаточно дождаться окончания действия патента. Город-генерик – это город, который создается из уже существующих примеров и на самом деле представляет собой дешевый заменитель традиционного города, который развивается во времени и значит проходит периоды упадка и подъема через чередования ошибок и успехов планирования, наслаивающихся друг на друга. Колхас называет город-генерик «постгородом, который формируется на месте экс-города» [2, с. 28].

Колхас полагает, что рост населения Земли редуцирует историю человеческих цивилизаций. Город-генерик становится ответом на запрос урбанистической модели в эпоху, когда растущая демография приводит к скоростному росту урбанизации. Для такой модели присутствие истории не является значимым, и, соответственно, проблема идентичности растворяется сама собой. Город-генерик представляет собой урбанистическую оболочку для процессов жизнедеятельности. «Как ангар голливудской студии» [2, с. 21] он может быть заполнен любыми декорациями по вкусу обитателей. За последние пятьдесят лет город-генерик увеличивался, и сегодня его численность на разных континентах достигает 15 миллионов. Рождение этого города совпало с процессами глобализации. Его население представляет собой не «плавающий котел наций», но скорее мозаику, которая складывается каждый раз уникальным образом, но при этом каждый ее элемент остается неизменным. Город-генерик – это прибежище современных номадов, эмигрантов, беженцев и новой элиты. Все эти социальные группы находятся в постоянном движении и готовы в любой момент покинуть один город ради лучших условий и предложений в другом городе.

Колхас объясняет город-генерик как субстанцию, которая осталась после того, как общественная жизнь переместилась в виртуальное пространство [2, с. 23]. Не скрепленный коммуникациями и общими ценностями, традициями, не связанный общественными событиями и действиями такой город отличается отсутствием динамики, которая всегда была свойственна историческому городу. Место общественного пространства в городе-генерике занято растительностью – урбанистической зеленью, которая вместе с застройкой и дорогами составляет три основных элемента в его композиции. В отличие от общественной жизни зеленые пространства не опасны для политиков, удовлетворяют вкусам всех горожан и, как пишет Колхас, сами по себе являются новой идентичностью – синтезом политики и ландшафта [2, с. 28].

Дороги, застройка и зеленые пространства, с одной стороны, реферируют к модернистской модели. Но в отличие от строго спланированной композиции функциональных зон в городе-генерике эти три компонента постоянно варьируются в своих комбинациях. Иногда они чередуются, иногда совмещаются, но в этих вариациях нельзя обнаружить линейную логику индустриального города. В отличие от единой системы коммуникаций традиционного города в городе-генерике инфраструктура может быть

осознана как «непроходимый лабиринт» [2, с. 49]. Главной деятельностью в отсутствии общественной жизни становится шоппинг, объекты которого претендуют на то, чтобы занять центральные места в городах, которые прежде были отданы культурным объектам. Офисные башни ждет реконструкция, поскольку все больше людей работают дома. Атриумные здания, неся в себе исторические коннотации, создают иллюзию «правильной» архитектуры. В атриумных зданиях утилитарная функция становится парадной, что питает амбиции посетителей, создавая ложное ощущение собственного достоинства благодаря архитектурному пространству. Застройка города-генерика состоит из офисных башен, жилых многоэтажек, трущоб и элитных анклавов малоэтажной застройки в псевдоисторическом стиле на окраинах. Стекло и металл превалируют в архитектуре. Любые формы являются уместными и возможными.

Другое существенное отличие города-генерика от традиционного города заключается в том, что его приоритетом является полезность. Все остальное, не подходящее под критерий пользы, разрушается, уничтожается или заменяется тем, что имеет рыночную ценность. Утилитарность определяет количество компонентов, вне зависимости от того, принадлежат ли они архаике или футуризму. Город-генерик замещает понятие идентичности иконографией. Иконография города-генерика произрастает из любого доступного для символической редукции объекта – берега, водоема, видов растительности, остатков истории, если они присутствуют. Все эти объекты гиперболизируются, тиражируются, превращаясь в часть бренда, который навязывается туристам в качестве достопримечательностей и сувениров. Идентичность в городе-генерике является товаром и продуктом и может изменяться в соответствии с конъюнктурой.

Развитие города-генерика всегда происходит вширь, а не вглубь. Он никогда не укоренен ни в территории, ни в истории, ни в культуре. Он функционирует до тех пор, пока является полезным и обслуживает текущие потребности в жилье и работе. Если его рыночная ценность начинает сокращаться, он оставляется без сожаления, мигрирует или возникает в другом месте заново. Каждый раз заново – это и есть принцип функционирования города-генерика. Именно такая модель, основанная на прагматизме, способна обслуживать потоки, стремящиеся покинуть последние остатки аграрных территорий. Город-генерик – это многоэтажная деревня, поскольку он создает общественную жизнь и не порождает смыслы, что свойствен-

но традиционному историческому городу. Рост населения, ускорение и интенсификация миграции только усиливают чувство отчуждения, которое и прежде было свойственно жителям индустриальных городов в эпоху их расцвета, но никогда до сегодняшнего дня не становилось нормой урбанистического существования в исторических городах. Общественная жизнь мигрирует с каждым жителем в айфоне и смартфоне, торговые центры во всех частях света предоставляют одинаковый набор товаров, везде можно посадить быстрорастущие деревья и тем скрасить социальную убогость любого города-генерика. Жилые многоэтажки имеют срок эксплуатации в отличие от исторической застройки, строящейся в расчете на долговечность, и могут быть снесены, чтобы расчистить место новым аналогам по мере истечения срока. Но еще более выгодно осваивать новые территории, чтобы не замораживать с инфраструктурой и возможными противниками реновации. Намного дешевле построить дешевое жилье, выкрасить его в дружелюбные оттенки и привлечь новых жителей парком и торговым центром, соблазняющим своим необычным атриумом и новым дизайном фуд-корта. Отличительным знаком нового города становится новый паблик арт, который так развит сегодня благодаря своему качеству придавать повседневности немного театрального эффекта.

Этот новый тип урбанизма был развит повсюду. Колхас утверждает, что, происходя из Америки, город-генерик массово тиражируется в Азии, переживающей экономический подъем благодаря глобализации [2, с. 27]. Но для россиян здесь возникает знакомый образ новых районов, растущих по окраинам исторических городов на новых территориях. Следовательно, для нас возникает вопрос – куда стремится отечественный урбанизм, и что происходит с нашими городами. Небольшой экскурс в недавнюю историю и взгляд на современность позволяют нам проследить, какие процессы формируют сегодня российскую урбанистическую реальность.

Советский город, из которого сегодня рождается новый постсоветский урбанизм, был результатом централизованного планирования по установленным параметрам, нормативам и образцам. Принудительная урбанизация обеспечила рост городов, развивающихся в соответствии с планом народного хозяйства и напрямую зависевших от градообразующих предприятий. Для советского города характерны типичность и однообразие, отсутствие идентичности и в целом стерильная среда. Изолированность советской архитектуры от мировых процессов, отсутствие свободы проектирова-

ния, информации и конкуренции в профессиональном поле были главными причинами, по которым архитекторы и градостроители в России оказались неподготовленными к тем социальным процессам, которые после перестройки трансформировали город.

Период с 1987 по 2018 гг. можно разделить на три условных этапа: 1990-е гг., 2000-е гг., 2010-е гг., что позволяет нам острее увидеть изменения, которые были характерны для российского города в эти годы.

1990-е гг.

Город. Девяностые – годы разрухи и дикого капитализма. В девяностые – годы рынок буквально взорвал российский город. Последовал кризис моногородов и индустриальных районов. Как следствие, была разрушена вся социальная инфраструктура – объекты соцкультбыта, дома культуры и кинотеатры были переделаны под торговые площади. В общественных пространствах – на площадях, улицах и стадионах развивались стихийные рынки, масштаб которых становился впечатляющим. Нижние этажи хрущевок и панелек заполнялись множеством торговых точек, мастерских, мелких бизнесов. Рынок господствовал повсюду, демонстрируя силу рыночной экономики городам, прежде существовавшим по жестким регламентам и планам. Приватизация жилья привела к появлению рынка недвижимости, но имела одно долгоиграющее последствие – 100 % частная собственность на жилища стала препятствием для последующего урбанистического развития внутреннего города. Для осуществления процессов реконструкции и строительства оптимальной цифрой является 50 % частной собственности на жилище, что обеспечивает устойчивость социума и городской структуры. Остальные 50 % и представляют собой необходимый резерв и потенциал для изменений. В ситуации тотальной приватизации любые инициативы строительства сталкивались и сегодня продолжают сталкиваться в острых конфликтах с собственниками, выдвигающими невыполнимые условия для инвесторов и девелоперов. Развивающийся рынок недвижимости продемонстрировал, что советские люди, так же как и все люди мира, живущие по законам рынка, имеют разные предпочтения и разные возможности. Полукриминальные процессы определили переделку коммуналок под элитные квартиры в исторических центрах. Следующим пунктом рыночной программы стало точечное строительство на месте исторической застройки. Другим трендом стало строительство коттеджей, реализующих мечту советского человека о собственном доме – мечту,

прежде осуществимую лишь на уровне дачи на шести сотках.

Профессия. Для архитектурно-градостроительной профессии после разрушения проектных институтов наступил период выживания и адаптации к рыночным условиям, в которых заказчик диктует, а архитектор реализует его самые сказочные представления. Советский образ архитектора-жизнестроителя, навеянный модернистскими идеалами уступил место новому образу профессии, которая стала ассоциироваться с сервильностью. Основным заказом был интерьер. Должность главного архитектора города стала опасной.

2000-е гг.

Город. В начале десятилетия XIX в. торговые центры заменили индустриальные предприятия в качестве градообразующих объектов, а территории промышленных предприятий превратились в торговые зоны. Стихийные процессы свободного рынка манифестировали себя в материальной форме новых урбанистических доминант. Реклама заменила фасады, и город выглядел как гибрид глянца с блошиным рынком. Точечная застройка индивидуальных по архитектуре объектов уступила место долевого строительству типовых многоэтажек, которое захватывало все возможные вакантные участки в городе. Изменялись площади жилища, увеличиваясь количественно, но не меняясь качественно. Коттеджное строительство процветало, и города обрастали пригородными коттеджными поселками с элитной застройкой на месте бывших рекреационных зон индустриальных предприятий. На береговых линиях рек вырастал новый урбанистический ландшафт. Дезурбанизация приобрела массовый характер. Доступность автомобиля для населения способствовала побегу из города. Исторические центры городов деградировали из-за отсутствия процессов, поддерживающих их жизнедеятельность. Новая элита предпочла застраивать новые территории, формируя анклав, закрытые от публики. Одновременно с элитной застройкой стали появляться трущобы и эмигрантские гетто, что сделало постсоветский город похожим на все остальные города в мире, куда стекаются массы людей в поисках работы; города, которые всегда полны противоречий на стадии становления урбанистического капитализма, как рассказывали чикагские социологи Э. Берджесс [3] и Р. Парк [4].

Новая типология, отвечающая экономической реальности, позволила архитекторам выйти из интерьера в городское пространство. Офисы, банки, иногда даже театры предоставляли возможность получить опыт создания

архитектурного разнообразия, что в свою очередь меняло облик города. Первые арт-кластеры на территориях бывших промышленных предприятий отвечали вторжению современного искусства в российское пространство. Это также влияло на архитектуру, вынужденную создавать гибриды из исторической застройки и стеклянных офисных башен в силу обстоятельств. Культурные здания, массово снесенные и перестроенные в период советской власти, вновь стали строиться, что определило появление нового консервативного тренда в проектировании. Город стал напоминать коллаж, который качественно менялся в течение этого десятилетия – среди доморощенных построек начала периода появились объекты современной архитектуры, вполне соответствующие среднему уровню зарубежной, что повысило символическую ценность городской среды.

Профессия. Для этого времени характерно формирование системы звезд в профессиональном сообществе. Но для региональных архитекторов появилась возможность проектировать и строить за пределами привязки типовых зданий так, как это было в советские годы. Рыночный процесс и частный привел к появлению таких феноменов, как архитектура Нижнего Новгорода и появлению самарских архитекторов В. Самогорова и В. Пастушенко в пространстве московской элиты.

Начав со сказочных образов «лужковской» застройки и бумажной архитектуры, архитекторы, благодаря открытым границам и расширяющемуся информационному пространству, быстро освоились в пространстве современной архитектуры. Одновременно заказчик стал более образованным и амбициозным. Появление иностранных архитекторов стимулировало внутреннюю ситуацию. Так, интересы губернатора Перми стали простирались до уровня мастер-плана города, который были призваны создать европейские архитекторы. Был принят градостроительный кодекс, и началось создание первых постсоветских генпланов городов, которые бесповоротно и радикально трансформировались за это время. И долгожданное – впервые в стране была открыта специальность «Градостроительство».

Конкурсная система в архитектуре и градостроительстве начала устанавливаться вопреки протестам архитекторов-звезд, не желавшим конкуренции. Так же как отечественные архитекторы в штывы принимали попытки иностранных архитекторов зайти в архитектурное и градостроительное проектирование, немногочисленные отечественные архитекторы-звезды стремились установить монополию на проектирование не только в столицах, но и в региональных центрах.

Этот период отмечен становлением архитектурного цеха в России, закреплением мест в профессиональной иерархии и медленным поворотом в сторону города, все чаще становящегося территорией проектирования и объектом различных интересов.

2010-е гг.

Город. Главным и наиболее значимым урбанистическим процессом стала реновация крупных российских городов в контексте проведения крупных международных событий и такого глобального события, как чемпионат мира по футболу. Строительство масштабных и сложных объектов, реконструкция объектов исторического наследия в пределах туристических маршрутов, благоустройство среды в центральных районах внесли новый приток энергии в урбанистическое пространство и позволили связать отдельные участки фрагментированного города. В настоящее десятилетие в российских городах происходит множество разнообразных процессов, которые все больше отдаляют современный российский город от советского: развивается высотное строительство, реконструируются парки и береговые линии, массово строятся церкви, появляются нестандартные школы и детские сады, высокотехнологичные лечебные учреждения, что позволяет говорить о развитии общественного пространства за пределами торговых центров.

Одновременно все более усиливаются иные процессы, демонстрирующие рост социального неравенства. Элитные жилые районы стремятся к автономии и огораживанию. Эти анклавы контрастируют с деградирующими бывшими промышленными районами и исторической застройкой за пределами туристических зон. Центр теперь все больше принадлежит элите и туристам. Всем остальным, желающим купить жилище, предлагаются территории за пределами города с самой примитивной жилой застройкой и лишённые всех остальных признаков города. Рост периферии выглядит неизбежным и бесконечным. Провал серединной зоны городов, как крайне неудобной площадки для нового строительства в силу приватизации жилья в 90-е, приводит к увеличению плотности на отдельных участках в черте города. Плотность застройки не позволяет насытить ее другими функциями, и эти новые участки, изначально не отвечающие современным требованиям о комфортной среде, привлекают исключительные цены доступной ценой минимальных жилых ячеек, создают очередные анклавы, которые искажают структуру города и уничтожают возможности для последующего развития. Нарастает контраст и расширяется

разрыв между столицей и периферией с точки зрения урбанистических условий и возможностей работы и досуга. Аналогичный по своему содержанию процесс происходит и в каждом крупном городе. Увеличивается контраст между отдельными районами в центре и на периферии. Город развивается качественно для элиты как город-коллаж и количественно как город-генерик для всех остальных.

Профессия. В состоянии профессии архитектора-градостроителя также отражаются противоречивые тренды – прежде всего это разделение архитектурного цеха на элиту и офисный планктон, монополия небольшого количества столичных проектных организаций в области архитектурного и градостроительного проектирования, проведение международных конкурсов и создание альянсов российских, главным образом столичных и иностранных архитекторов, концентрация рабочих мест в Москве и частично в Санкт-Петербурге, эмиграция молодых архитекторов и градостроителей из регионов в столицу и за границу, сокращение бюджетных мест на архитектуру, градостроительство и реконструкцию в регионах. И, в то же время, появление новых учебных заведений в столице – Стрелка, МАРШ, Школа урбанистики ВШЭ, разнообразие столичного платного образования в области архитектуры и градостроительства, обучение и работа молодых архитекторов за рубежом, проведение лекций, воркшопов и конкурсов для молодых архитекторов, перевод значимых книг по архитектуре и градостроительству на русский язык [5–10] и, самое главное – появление огромного и постоянно расширяющегося и развивающегося информационного пространства, дающего возможность обучения и сравнения онлайн. Новое поколение – не идеалисты, как их предшественники, но прагматики: в их сознании город – не чистая доска, но шахматное поле, в котором они намерены выигрывать.

Выводы. 1. За четверть века российские города во многом изменились. Ценным остается архитектурное наследие, все, что было типовым и массовым, свою ценность утратило, вследствие этого можно считать, что современное градостроительство и архитектура в российских городах развиваются не благодаря советскому городу, созданному за семьдесят лет, а вопреки ему. Рыночная экономика трансформировала российский город качественно и количественно.

2. Социальное неравенство, выраженное в огромном контрасте между столицей и регионами, центром и периферией с точки зрения уровня и качества жизни, возможностей работы и проведения досуга, отражается в урбани-

стической структуре российского города. Если немногочисленные элитные участки следуют современным тенденциям просвещенного плюрализма, то вся массовая и обширная территория российского города развивается как город-генерик. Новый российский город для большинства россиян сегодня формируется на новых территориях за пределами советского города советскими методами, уступая своему прототипу по качеству.

3. В современном российском пространстве формируется профессиональный градостроительный дискурс, что было невозможно в течение многих десятилетий. Темы, рассматриваемые в ходе этого дискуссии на конференциях и в профессиональной печати, отражают широкий диапазон проблем, которые стоят сегодня перед профессионалами [11–13].

4. За три десятилетия, прошедшие после 1987 г., в России появилось новое поколение молодых архитекторов с урбанистическим сознанием и дипломированных градостроителей, обладающих несравнимо более широким уровнем информированности и более высоким уровнем знаний и умений по сравнению с предыдущими поколениями. В настоящее время урбанистика и градостроительство в России стали значимыми и актуальными областями, отвечая современным трендам во всем мире.

Появление разнообразия во всех сферах профессии от образования до реализации является источником надежды на то, что все возможные модели будут опробованы и применены на территориях внутри города, качественные преобразования которого должны сменить количественный и территориальный рост. Две тенденции – город-генерик и город-коллаж с его просвещенным плюрализмом – конкурируют в современном пространстве. Но рано или поздно просвещенный плюрализм несомненно даст свои плоды и российские города обретут идентичность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Рой К., Кеттер Ф.* Город-коллаж. М.: Strelka Press, 2018. 208 с.
2. *Колхас Р.* Гигантизм, или Проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство. М.: Арт Гид, 2015. 84 с.
3. *Берджесс Э.* Рост города: введение в исследовательский проект // *Личность. Культура. Общество.* 2002. №1–2. С. 168–181.
4. *Парк Р.* Избранные очерки. М.: ИНИОН РАН, 2011. 300 с.
5. *Маккуайр С.* Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014. 392 с.

6. *Rossi A.* Архитектура города. М.: Strelka Press, 2015. 264 с.

7. *Weber M.* Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.

8. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни. М.: Strelka Press, 2018. 108 с.

9. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 112 с.

10. *Эллард К.* Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Паблишер, 2019. 288 с.

11. *Ахмедова Е.А., Жоголева А.В.* Кластерные стратегии устойчивого развития агломерации на примере Самарско-Тольяттинской агломерации // Градостроительство и архитектура. 2017. Т.7, №4. С. 88–92.

12. *Каракова Т.В.* Средовые проблемы мегаполиса // Градостроительство и архитектура. 2018. Т.7, №2. С. 114–117.

13. *Вавилонская Т.В.* Архитектурно-историческая среда в условиях динамично развивающегося мегаполиса // Градостроительство и архитектура. 2017. Т.7, №4. С. 93–98.

REFERENCES

1. *Rowe C., Koetter F.* Collage City. 1th ed. Cambridge, The MIT Press, 1984. 192 p. (Russ ed.: Rowe C., Koetter F. Gorod-collage. Moscow, Strelka Press, 2018. 208 p.)

2. *Koolhaas R.* S M L XL. 2th ed. New York, Monacelli Press, 1997. 1396 p. (Russ ed. Koolhaas R. Gigantism ili Problema Bolshogo. Gorod-generic. Musornoe prostranstvo. Moscow, Art Gid, 2015. 84 p.)

3. *Burgess E. W.* The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. Urban Ecology. Ed.: Marzluff, J., Springer, Boston, MA, 2008, pp. 71–78. (Russ ed. Burgess E. Rost goroda: vvedenie v issledovatel'skii projekt. [Lichnost. Kultura. Obchestvo], 2002, no 1–2, pp.168–181).

4. *Park R.* Izbrannye ocherki [Selected Essays]. Moscow, INION RAN Publ., 2011. 300 p.

5. *Mcquire S.* The Media City: Media, Architecture and Urban Space. SAGE Publications Ltd, 2010. 240 p. (Russ ed.: Mcquire S. Mediiny gorod. Media, arhitektura I gorodskoe prostranstvo. Moscow, Strelka Press, 2014. 392 p.)

Об авторе:

ДАНИЛОВА Элина Викторовна

кандидат архитектуры, доцент, профессор кафедры градостроительства Самарский государственный технический университет Академия строительства и архитектуры 443001, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194 E-mail: red_avangard@mail.ru

6. *Rossi A.* The Architecture of the City. 1th ed. Cambridge, The MIT Press, 1984. 208 p. (Russ ed.: Rossi A. Arhitektura goroda. Moscow, Strelka Press, 2015. 264 p.)

7. *Weber M.* The City. 2nd ed. Free Press, 1966. 242 p. (Russ ed.: Weber M. Gorod. Moscow, Strelka Press, 2017. 252 p.)

8. *Wirth L.* Urbanism As A Way of Life. The American Journal of Sociology, Vol. 44, no. 1 (Jul., 1938), pp. 1–24. (Russ ed.: Wirth L. Urbanism as obras jizni. Moscow, Strelka Press, 2018. 108 p.)

9. *Simmel G.* The Metropolis and Mental Life. New York, Free Press, 1950. 84 p. (Russ ed.: Simmel G. Bolshie goroda I duhovnaya jizn. Moscow, Strelka Press, 2018. 112 p.)

10. *Ellard C.* Places of the Heart: The Psychogeography of Everyday Life. Bellevue Literary Press, 2015. 256 p. (Russ ed.: Ellard K. Sreda obitaniya: Kak arhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochu-vstvie. Moscow, Alpina Publisher, 2015. 256 p.)

11. *Akhmedova E.A., Gogoleva A.V.* The cluster strategy for sustainable development of the agglomeration on the example Samara-Togliatti agglomeration. Gradostroitel'stvo i arhitektura [Urban Construction and Architecture], 2017, V. 7, no. 4, pp. 88–92. DOI: 10.17673/Vestnik.2017.04.15 (in Russian)

12. *Karakova T.V.* Environmental problems of the megapolis. Gradostroitel'stvo i arhitektura [Urban Construction and Architecture], 2018, V. 7, no. 2, pp. 114–116. DOI: 10.17673/Vestnik.2018.02.19 (in Russian)

13. *Vavilonskaya T.V.* Architectural and historical environment under the conditions of a dynamically developing megapolis. Gradostroitel'stvo i arhitektura [Urban Construction and Architecture], 2017, V. 7, no. 4, pp. 93–98. DOI: 10.17673/Vestnik.2017.04.16 (in Russian)

DANILOVA Elina V.

PhD in Architecture, Professor of the Town Planning Department Samara State Technical University Academy of Architecture and Civil Engineering 443100, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya str., 194 E-mail: red_avangard@mail.ru

Для цитирования: *Данилова Э.В.* К проблеме просвещенного плюрализма в российском градостроительстве // Градостроительство и архитектура. 2019. Т.9, №2. С. 15–21. DOI: 10.17673/Vestnik.2019.02.2.

For citation: *Daniilova E.V.* To the problem of enlightened pluralism in Russian town planning // Urban Construction and Architecture. 2019. V. 9, 2. Pp. 15–21. DOI: 10.17673/Vestnik.2019.02.2.